

Глава 8

Среди ночи Цзи Юаня разбудила возня: кто-то из детей ворочался и жалобно хныкал. Мужчина сел на кровати, всматриваясь в темноту, где один из сыновей беспокойно сучил ножками во сне. Цзи Юань замер в растерянности, не зная, как помочь.

— Это брату приспичило, я выведу его, — Дачжуан, разбуженный хныканьем, сонно потер глаза. Он привычным движением растолкал младшего, помог ему слезть с кровати и, крепко держа за руку, увел во двор.

Вскоре братья вернулись, вместе забрались под одеяло и тут же засопели.

Цзи Юань тоже встал с постели и вышел вслед за детьми, а затем вернулся за ними в комнату. Он плотно припер дверь каморки тяжелым брусом и только после этого лег между сыновьями. Обняв их, он с щемящим чувством нежности погладил старшего по голове.

Обоим братьям было всего по шесть лет, Дачжуан родился едва ли на час раньше, но уже вовсю заботился о младшем. Причем делал это так ловко и рассудительно, что новоиспеченному отцу стало даже немного стыдно.

Мальчики прижались к нему, крохотные и теплые. В этот миг сердце Цзи Юаня наполнилось таким спокойствием и довольством, каких он не знал прежде.

Они проспали до самого утра. Мужчина проснулся первым, а следом за ним зашевелились и дети. Мальчишки не спешили вскакивать. Один слева, другой справа — они прильнули щеками к его груди, словно сосредоточенно вслушивались: на месте ли еще его сердце, бьется ли?

— Отец...

— Да, я здесь.

Близнецы с рождения были слабее обычных детей, а уж при вечном недоедании в этой семье и вовсе чудо, что они дожили до таких лет. Имена Дачжуан и Сяочжуан — Крепыш и Малыш — прежний владелец тела дал им в надежде, что сыновья вырастут сильными и здоровыми.

Он ощущал их тонкие, как веточки, ручки и впалые щеки. Мужчина вспомнил собственное детство в низших секторах, когда приходилось искать еду на свалках. Он слишком хорошо знал, что такое настоящий голод. Но теперь, когда он здесь, его дети больше не узнают нужды.

В это утро никто не пришел поднимать их криками, не гнал на работу. Впервые за долгие годы в доме семьи Чжао им позволили выспаться.

Тот наслаждался тишиной и близостью сыновей, пока за дверью не раздались приглушенные голоса — семья усаживалась завтракать. Он ласково потрепал мальчишек по головам:

— Идемте. Пора и нам поесть.

Дачжуан и Сяочжуан с гордым видом, по-боевому вышагивая вслед за отцом, вышли из каморки.

Наученная горьким опытом семья Чжао отреагировала мгновенно. Едва скрипнула дверь, как и взрослые, и дети принялись лихорадочно хватать со стола лепешки-вовотоу и в три горла хлебать жидкую рисовую кашу. Госпожа Ли едва не поперхнулась куском сухой еды, глаза её вылезли из орбит, но она даже не подумала выплюнуть — давясь, продолжала отчаянно заглатывать куски.

Когда Цзи Юань с сыновьями подошел к столу, тот был уже пуст. Каждый из домочадцев вцепился в свою порцию, дико и настороженно озираясь, точно звери, боящиеся, что у них отнимут добычу.

«Просчитался», — промелькнуло в его голове.

Впрочем, невелика беда. Если еды нет на столе, значит, она есть в кладовой. Мужчина не верил, что во всём хозяйстве Чжао не найдется и крохи съестного.

Заметив, что дверь в кухню открыта, он направился прямо туда. Заглянул в чан для риса — пусто. Тогда его взгляд переместился на стоящий в углу шкаф. Тот точно знал: всё самое ценное семья Чжао прячет именно там, под замком.

Тяжелый замок на дверцах был гордостью старой госпожи У. Ключ она всегда носила при себе, открывая шкаф только для того, чтобы отвесить строго выверенную порцию зерна на день. Всё остальное время доступ к продуктам был закрыт.

Но он знал: кроме ключа есть и другой способ открыть дверь.

Заметив в углу нож — большой нож для колки дров, он без тени сомнения схватил его. Один короткий, точный удар — и маленькая дужка замка со звоном разлетелась на две части, упав на землю. Дверцы распахнулись.

— Что ты творишь?! Как ты смеешь трогать мой шкаф! — старая госпожа У, почуяв неладное, влетела в кухню, не успев дожевать завтрак. Увидев разбитый замок, она едва не зашлась в крике, топая ногами от бешенства.

Помня вчерашнюю трепку, старуха не рискнула броситься на него с кулаками, боясь снова получить сдачи.

— Убери свои грязные лапы! Не смей прикасаться к моему добру! — верещала она, оборачиваясь к выходу. — Чанфу! Чанфу, беги за старостой! Я требую раздела имущества! Немедленно! Вышвырну этого поганца, этого вестника беды из дома! Чтобы духу его здесь не было!..

Чжао Чанфу, сидевший во дворе, от неожиданного визга матери поперхнулся кашей. Он поспешно глотнул рисового отвара, проталкивая комок в горло, и вновь покорно пустился в путь.

— Нельзя ли потише? — Цзи Юань демонстративно поковырял в ухе, выудил комочек серы и, брезгливо стряхнув его с пальца, взглянул на беснующуюся старуху. — Я не глухой. И эти запасы принадлежат не только вам. Мы втроем тоже имеем на них право. Если вы решили «забыть» приготовить на нашу долю, то вините только себя.

Память прежнего хозяина тела услужливо напомнила: добрая половина этого зерна была добыта его трудом. Пока прежний Цзи Юань был здесь, он вставал до рассвета, таскал воду, готовил на всю ораву и стирал горы белья. А после домашних дел до самого заката спину гнул в поле. И всё равно этой семейке было мало. Они не только урезали пайки ему и детям, но и постоянно искали повод вовсе оставить их голодными. Сколько ночей они втроем провели, корчась от рези в пустых желудках? Пока сыновья были совсем крохами, они часами плакали от голода по ночам, вызывая лишь проклятия со стороны госпожи У и остальных женщин дома.

Другие дети в семье Чжао тоже не отличались полнотой, но по сравнению с его сыновьями они выглядели настоящими крепышами. Дачжуан и Сяочжуан иссохли так, что на тонких шеях, казалось, держатся одни только головы, а их личики были меньше его ладони.

Мальчики стояли рядом, чумазые и притихшие. Отец до сих пор толком не разглядел их лиц под слоем пыли и грязи, но для него они были краше всех на свете.

Размышления не мешали ему методично обыскивать шкаф. За дверцей обнаружилась корзинка, в которой лежало семь-восемь яиц — этого вполне хватило бы им на пару раз. Он подхватил корзинку и протянул её сыну.

Дачжуан принял ношу, и его глаза расширились от изумления. Он тут же показал находку брату:

— Смотри, Сяочжуан! Яйца!

Близнецы никогда в жизни не пробовали яиц. Они видели, как ими лакомятся их шестой дядя, но даже представить не могли, каков этот деликатес на вкус.

— Не тронь! Это мои яйца! Убью! — старая госпожа У, увидев, что её сокровище уплывает из рук, взвилась на месте. Забыв о страхе, она с воплем кинулась на Цзи Юаня, надеясь вырвать корзинку.

Тот, ожидавший этого выпада, легко уклонился, не забыв прикрыть собой детей.

Бам!

Кухня была тесной, и старуха, не сумев затормозить, на полном скаку вписалась лбом в стену. Раздался глухой удар, и госпожа У мешком осела на пол. Она коснулась лба, где мгновенно вздулась огромная шишка в дополнение к вчерашним ссадинам, скривилась и во весь голос завывала.

Дачжуан от испуга вздрогнул, и корзинка выскользнула из его рук.

Реакция отца была быстрее мысли. Тело само метнулось вперед, он перехватил плетенку у самого пола, но одно яйцо всё же выкатилось и с негромким хрустом шлепнулось на землю. Скорлупа треснула.

Все трое замерли, глядя на него.

— Ничего, — мужчина поднял яйцо. — Содержимое цело.

Скорлупа лишь треснула, но белок и желток не вытекли. Он бережно положил его обратно и снова вложил добычу в руки старшего сына, наказав:

— Держи крепко.

Дачжуан, всё еще терзаемый стыдом за свою неловкость, не ожидал, что отец снова доверит ему корзинку. Он обеими руками прижал её к груди и решительно кивнул: на этот раз он её не выпустит.

— Я помогу, — Сяочжуан тоже протянул ручонки. Теперь четверо маленьких ладошек надежно сжимали плетеные края.

— Матушка! Цзи Юань, да как ты смеешь бить матушку! — в кухню ворвался Чжао Чангуй. Увидев рыдающую на полу старуху, он в ярости ткнул в г'э'эра пальцем. Его лицо исказилось в плаксивой гримасе — то ли от жалости к родительнице, то ли от страха, что его ждет та же участь.

— Я здесь ни при чём! — Цзи Юань невинно развел руками. — Разуи глаза и посмотри внимательно. Я её пальцем не тронул, она сама в стену впечаталась!

Но Чжао Чангуй, само собой, не желал слушать никаких оправданий.

<http://bllate.org/book/15315/1354426>